

COVID-19: моменты истины и источники споров

Андрей Е. Шаститко¹

¹ *Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

Получено 6 April 2020 ♦ Принято в печать 15 April 2020 ♦ Опубликовано 23 April 2020

Цитирование: Shastitko AE (2020) COVID-19: moments of truth and sources of controversy. Population and Economics 4(2): 34–38. <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e53285>

Аннотация

Обозначены некоторые перспективные направления исследований эффектов пандемии коронавируса. В их числе — отражение в системе санитарно-эпидемиологических показателей и их численных значений особенностей социально-экономических систем; сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив в свете выбора решений в рамках борьбы с пандемией и ее последствиями; адаптационная эффективность институтов в контексте взаимосвязи микро- и мезоинститутов.

Ключевые слова

дискретные структурные альтернативы, институты, пандемия коронавируса

Коды JEL: H12, I19, O17

События глобального значения, которые не были спрогнозированы с высокой точностью и на которые у человечества не было готового ответа, являются источником моментов истины и длительных споров, когда то, что было скрыто за вуалью привычного и рутинного, а также воспринималось как константа, в течение буквально 2–3 месяцев оказывается испытанием на прочность сложившегося уклада жизни. Речь идет о широком спектре вопросов, начиная с международных отношений и глобального миропорядка и заканчивая пределами возможностей здравоохранения в отдельно взятой стране, регионе или даже городе, сталкивающих врачей с этическим выбором: кому дать шанс на выздоровление и подключить к аппарату искусственной вентиляции легких, а кому не предоставлять шанс на выздоровление.

Масштаб происходящего и глубина воздействия на складывавшиеся общественные отношения исследователи из разных дисциплинарных областей науки будут обсуждать долгие годы. Например, споры среди экономистов вокруг причин и последствий Великой депрессии в США не утихали в течение многих десятилетий после этого эпизода в истории ведущей экономики мира. Для экономистов обсуждение

экономических (а в ряде случаев социально- и политико-экономических) аспектов пандемии коронавируса связано с дополнительным вызовом, поскольку ее начало практически совпало по времени с предвестниками тектонических сдвигов в мировой экономике, которые тесно связаны с драматическим падением цен на нефть и теперь уже практически неотвратимо надвигающейся мировой рецессией и возможной глобальной депрессией.

Тяжесть испытания для мировой цивилизации связана с тем, что в отсутствие специфической для вируса вакцины и его быстрого распространения по всему миру (чего не было ни в случае лихорадки Эбола, ни в случаях свиного и птичьего гриппа, несмотря на значительное количество летальных случаев, ни в случаях чрезвычайно опасных, но сравнительно быстро локализованных эпизодов с сибирской язвой, чумой и холерой во времена СССР после Второй мировой войны) на первый план все более отчетливо выходит вопрос: какими могут быть приемлемые компромиссы между снижением заболеваемости и смертности, с одной стороны, и сокращением масштабов экономической активности – с другой. Является ли сокращение экономической активности здесь и сейчас платой за то, что ее удастся восстановить сравнительно быстро в последующем. И если да, то когда именно и при каких условиях? Кто возьмет на себя ответственность за принятие решений, последствия которых могут быть как спасительными, так и катастрофическими?

В рамках данной статьи мы хотели бы обозначить ряд возможных направлений исследования эффектов пандемии, которые можно с определенной долей условности считать естественным экспериментом. В чем, собственно, заключается эксперимент? Это проверка, каким образом различные социально-экономические системы (в терминах исследователей, применяющих инструментарий новой институциональной экономической теории, — социальных порядков [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011] или обществ с различными вариантами соотношения силы общества и государства [Acemoglu, Robinson, 2019; Шаститко, 2020]) в мире реагируют на проблемы, связанные с распространением вируса и его последствиями.

Поскольку речь идет не только об эволюционном аспекте реакции, но и о вполне отчетливых решениях, принимаемых на самых разных уровнях (глобальном, межгосударственном, национальном, местном, отдельных компаний и предприятий), их стоит обозначить специально.

Система показателей

При количественной оценке скорости, масштабов распространения коронавируса и его последствий невозможно избежать использования показателей, которые в данной работе мы условно назовем медико-эпидемическими. К ним относятся общее число и прирост зараженных, число выздоровевших и количество летальных случаев, а также показатели летальности по завершённым случаям (общее число выздоровевших и умерших) и относительно общего числа зараженных. Разумеется, этот перечень можно было бы продолжать (в частности, на основе включения в число контрольных показателей количества произведенных тестов на коронавирус).

Даже на этом уровне, несмотря на публикацию значений одних и тех же показателей по разным странам и миру в целом, возникает вопрос: являются ли методики количественной оценки гармонизированными? Если да, то находит ли гармонизи-

рованность свое отражение в практике замеров и использования данной информации на уровне принятия управленческих решений и в публичном пространстве? Как власти разных стран подходят к работе с медико-эпидемическими показателями, уже может указывать на свойства социально-экономических систем, с одной стороны, и на способы адаптации к изменяющимся условиям – с другой. Здесь мы можем обнаружить широкий спектр вариантов – от открытого использования данных с объяснением методики количественных оценок до жесткого рационирования информации об эпидемиологической ситуации. В этом контексте, разумеется, есть и поле для исследования специалистами области поведенческой экономики. В частности, имеет ли значение, с точки зрения учета феномена когнитивных ошибок отдельных индивидов, вопрос о способах сбора, обработки и представления информации о пандемии, раз уж он затрагивает всех вместе и каждого в отдельности? Каким образом эта информация воспринимается массовым потребителем, избирателем, от которых может зависеть перспектива действующих политиков сохранить свои позиции в будущем?

Дискретные структурные альтернативы

Множество экспериментов — лабораторных, полевых, естественных — показывают, что совершенных институтов не было, нет и, самое главное, их не может быть. Это прямо связано с подходом одного из основателей новой институциональной экономической теории Рональда Коуза, который указывал на возможность позитивного исследования общественных отношений лишь в мире с положительными трансакционными издержками в различных аспектах человеческих отношений [Коуз, 1993]. Это означает, что попытки найти какое-то идеальное средство для решения той или иной проблемы в конечном счете приведут к глубокому разочарованию и значительным потерям. Постфактум это может обусловить возникновение проблемы сопоставления несовершенных и для многих неудовлетворительных результатов деятельности властей с альтернативой, которая не могла быть реализована. Возможно, экономическая наука могла бы внести свой вклад в обсуждение последствий пандемии в рамках извлечения ее уроков.

В этой связи фундаментальный вызов экономической науке — найти способ обсуждения трудных компромиссов, когда на чаше весов лежат вполне реальные (и в определенной степени неизбежные) человеческие потери не только прямо сейчас, но и потом, и не только от вируса, но и от множества других побочных факторов, связанных с кардинальной ломкой сложившегося образа жизни, актуализацией рисков обострения множества психологических проблем, когда эволюционно выстроенные психологические защиты человека разрушаются просто потому, что ему некуда бежать от своих проблем (раньше это могла быть работа, живое общение с друзьями, походы в театры и музеи, путешествия).

Особый драматизм ситуации, который нашел отражение и в способе написания данной статьи, — время, которого всегда не хватает, но теперь его просто нет для запуска актуальных и вместе с тем фундаментальных экономических исследований, учитывающих параметры из разных сфер знания и общественных отношений (здравоохранение, защита правопорядка и многое другое), которые могли бы стать базисом для принятия важных управленческих решений в самое ближайшее время.

Разумеется, без комплексных исследований, основанных на применении сравнительного анализа статистического учета, систем здравоохранения, демографической структуры, системы государственного управления и многих других аспектов, сложно будет обсуждать в том числе такой драматический вопрос, как количество летальных исходов на 1 млн населения вследствие пандемии, а затем вследствие вторичных эффектов в отдельных странах и регионах мира.

В будущем, когда исследователи и политики будут оценивать результаты противодействия пандемии, важным практическим вопросом будет оценка постфактум структурных альтернатив действий властей на множестве, соответствующем слабой форме отбора по О. Уильямсону [1996]. Напомним, что осмысленным является выбор исключительно из доступных структурных альтернатив. Применительно к России, например, одна из развилок — выбор варианта введения санитарно-эпидемиологического режима. В одном случае это может быть универсальный подход, основанный на централизованном принятии решений об ужесточении режима и, соответственно, политической ответственности центральной власти, что не может не влиять на такой важный компонент, как легитимность власти. В другом случае это может быть установление общих ограничений, в рамках которых регионам предоставляются широкие возможности для подбора (и последующей корректировки) наиболее подходящего режима с учетом складывающейся ситуации. Но тогда неизвестно, что будет происходить на границах регионов, если они выберут сильно дифференцированный режим.

Адаптационный потенциал: микро- и мезоинституты

Разумеется, адаптационные способности общества, национальных экономик зависят не только от того, какие решения и каким образом принимают власти на национальном, региональном и местном уровнях, но также, например, каким образом выстраивается неисчислимое множество контрактов по поводу ресурсов, приобретаемых предприятиями, а также продуктов (услуг и товаров), которые они реализуют не только организациям частного сектора, но государству (например, участие в системе государственных закупок).

В краткой работе практически невозможно охватить даже малую часть аспектов, в которых можно было бы обсуждать проблематику адаптации экономики на уровне микроинститутов. Между тем одной из проблем, которой необходимо теоретическое осмысление в целях поиска прикладных решений, является отображение в механизмах проектирования и реализации неполных контрактов событий, которые в общем-то можно было бы списать на форс-мажор. Однако из-за форс-мажора жизнь не останавливается, что требует поиска вариантов выхода из сложившейся ситуации. В некоторых случаях это будет расторжение договора, в других — временное замораживание выполнения взятых друг перед другом обязательств, в третьем — реструктуризация обязательств с измененным режимом их выполнения на основе изменения условий договора или проведения повторных переговоров и т.д.

На наш взгляд, изобретательность предпринимателей в части адаптации к различным ситуациям, пусть даже самым драматическим, нельзя недооценивать. Однако она может упереться в жесткие рамки мезоинститутов [Ménard, 2017; Ménard,

Jimenez, Tropp, 2018; Шаститко, 2019], характеристики которых даже в предпандемический период были далеки от лучшей формы не только в России, но и во многих других странах. И этот вопрос — действительно испытание для национальных систем государственного управления, которое в полной мере проявит себя в постпандемическом мире.

Литература

- Коуз Р. (1993). Фирма, рынок и право. М.: Дело.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгайт Б. (2011). Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара. URL: <http://socsoc.univ.kiev.ua/sites/default/files/library/elopen/file1.pdf> (дата обращения: 04.04.2020).
- Уильямсон О. (1996). Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и «отношенческая» контракция. СПб.: Лениздат.
- Шаститко А.Е. (2019). Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // Вопросы экономики. 5: 5–25. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-5-5-25> (дата обращения: 04.04.2020).
- Шаститко А.Е. (2020). Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») // Вопросы экономики. 1: 145–156. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-145-156> (дата обращения: 04.04.2020).
- Acemoglu D., Robinson J. A. (2019). The narrow corridor: States, societies, and the fate of liberty. New York: Penguin Press.
- Ménard C. (2017). Meso-institutions: The variety of regulatory arrangements in the water sector. Utilities Policy. 49: 6–19. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jup.2017.05.001> (дата обращения: 04.04.2020).
- Ménard C., Jimenez A., Tropp H. (2018). Addressing the policy-implementation gaps in water services: The key role of meso-institutions. Water International. 43: 1: 13–33. URL: <https://doi.org/10.1080/02508060.2017.1405696> (дата обращения: 04.04.2020).

Сведения об авторе

- Андрей Евгеньевич Шаститко — д. э. н., профессор, заведующий кафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; директор центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. E-mail: aeshastitko@econ.msu.ru